

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОДОР, АРХИЕПИСКОП РОСТОВСКИЙ

От юности твоя добре воспитався трудами, воздержанием, постом и молитвами, чисту и непорочну сотворил еси душу твою, сего ради на престол святительства сел еси, и яко звезда многосветлая, просвещая верные сердца зарями чудес твоих, отче наш, святителю Феодоре, и ныне моли Христа Бога да спасет души наша.

Тропарь святителю Феодору, архиепископу Ростовскому

Ребята, наверное, вы уже знаете, кто такой монах? Или по другому – инок? Монах – слово греческое, означающее человека, живущего одиноко. А инок – слово русское, но тоже относится к человеку, живущему не как все – иначе. То есть, монах – одиночка, инок – инакий, обособленный. Так называют тех, кто добровольно отрёкся от многих земных радостей и забот ради особенной, не прерываемой ни днём, ни ночью, молитвы. Монахи не имеют семьи, не имеют собственного дома, не имеют не только денег, но и даже личных вещей. Всё у них – Божие. Такие люди, принимая на себя подвиг – отречься от мира ради молитвы за этот мир, даже отказываются от собственного имени! Посвящение в монахи называется постригом, потому что в знак перехода из мирской жизни в духовную, выстригают у нового монаха крестообразно немножечко волос. И в этом-то обряде постригаемому даётся имя новое – так что теперь у этого человека два ангела-хранителя. Первый – остаётся от крещения, второй – придаётся с постригом.

Так вот, в детстве и юношестве, до того, как он принял монашество, святой Сергей Радонежский звался Варфоломеем. И был у маленького Варфоломея старший брат Стефан. Но, если Варфоломей не отличался ни телесной силой, ни памятью, только лишь наделён был особенным молитвенным складом ума, то Стефан во всём рос на радость родителям – боярину Кириллу и жене его Марии – рос крепким и разумным, ловким, смелым, внимательным и догадливым. Заметного талантами юношу взял к себе на службу князь Андрей Радонежский, сын великого князя Ивана Калиты. И не просто принял на службу, а возвёл в самые близкие друзья, многое доверяя ему и в мирное время, и в военное.

Надобно сказать несколько слов об отце Варфоломея и Стефана. Изначально боярин Кирилл служил князю Ростовскому Константину, и служил так, как служат только русские люди. В своё время от своего отца Кирилл унаследовал немалое состояние, однако жизнь свою заканчивал в бедности. Потому как все свои богатства потратил он на защиту ростовчан от обид ордынцев – делал богатые подарки сборщикам налогов, возил бесценные дары в самую Орду хану и его придворным, чтобы умирить их злобу против Руси. Его дары спасли многих людей от рабства и даже смерти. И вот от нажитой в службе бедности к старости Кирилл был вынужден из знатного Ростова перебраться в захолустный Радонеж. Однако промыслом Божиим именно здесь нашли свою судьбу его дети.

Очень скоро боярский сын Стефан Кириллович прославился в людях как мудрый советник и храбрый воин. Андрей Радонежский во всём советовался со своим товарищем, рассчитывал на его силу и боевую выучку. Так что многие князья мечтали бы иметь такого помощника. Но приключилось горе: внезапно умерла любимая жена Стефана юная Анна, оставив сиротами двух крошек-сыночек – Климента и Иоанна. Смирненно принял Стефан случившееся как Божий указ на оставление ему мирской жизни. Так он и поступил – через пять лет постригся Стефан в монашество. Некоторое время пожил в Радонеже, затем перешёл в Московский Богоявленский монастырь, где сдружился с будущим святым митрополитом Алексием. А в конце жизни, прославившись теперь уже иными талантами - непрестанной молитвой, постничеством и мудрой праведностью, стал

Стефан духовным наставником великого князя Московского, Владимирского и Новгородского Симеона Гордого – первого Великого князя всея Руси.

Однако, прежде чем уйти от мира и принять монашество, Стефан должен был определить судьбы своих осиротевших сыновей. Я не знаю, как сложилась судьба Кирилла, но младший сын двенадцатилетний Иоанн был отвезён отцом на воспитание к дяде, игумену Сергию в Радонежскую пустынь.

Пустынь, то есть маленький монастырёк, называлась так, не потому что находилась в пустыне, среди горячих безводных песков Египта или Сирии. А потому, что возводилась на «пустоши» – на месте пустом, то есть, месте, на котором никто из людей ранее не жил. Это пустое, безлюдное место могло быть болотом или островом, или просто дремучим лесом – под Новгородом или под Ростовом, на Онежском озере или на Северной Двине. Вот и подмосковная Радонежская пустынь шестьсот лет назад представляла из себя маленький тёмный храм, срубленный и сложенный самими монахами из толстых сосновых брёвен, да несколько глубоко врытых в землю полудомиков-полупещерок, в которых монахи жили. А вокруг монастырька, за оградой-частоколом из заострённых колов-палок, теснился страшный непроходимый лес. Огромные разлапистые ели и раскидистые дубы, под которыми чернели норы диких зверей, густые-прегустые кусты и непроходимые топкие болота надёжно укрывали пустынь от всего людского мира. Сюда было очень трудно пробраться, и потому почти никто и ничто не отвлекали монахов от молитвы. Ни частые раздоры между русскими князьями, ни набеги монгольских сборщиков дани или литовских грабителей. Они трудились и молились, молились и трудились, по-братски разделяя меж собой трудности и радости. И потому-то монахи, живущие вместе, называются братией.

Весна была уже в полном расцвете. Но не радовала она в диких и мрачных местах, каковыми являлись в те далёкие времена – почти шестьсот лет назад! – подмосковные леса, не веселила ни пением птиц, ни жужжанием пчёл. По тайной, едва заметной тропке вёз Стефан своего сына Иоанна к брату в Радонежскую пустынь. Десять верных воинов-дружинников охраняли боярина с отроком от разбойников, а коней от хищников. Дни и ночи напролёт эти опытные бойцы и искусные охотники оглядывались и прислушивались – не догоняет ли кто по следу сзади, не таится ли в засаде впереди. Весна – время для всех голодное, весной не только медведи злы, но и воры дерзкие. Потому воины неотрывно держали руки на мечях, то и дело поправляли колчаны с луками и стрелами, что б мгновенно, при первой опасности выстрелить в пожелавшего напасть.

Хоть и малый ростом, но наравне со взрослыми сидел двенадцатилетний Иоанн в седле. Его лошадь осторожно ступала, мягко топоча по толстому ковру оттаявших из-под снега прошлогодних листьев. Со страхом посматривал мальчик на поросшие мхами деревья-великаны, что сплетались над ним ветвями так, что заслоняли небо. Косился Иоанн на высокие густотравяные кочки, под которыми булькала пузырями вонючая трясина. Казалось, что отовсюду за проезжающими скрытно наблюдают недобрые глаза. Но особенно жутко бывало ночами: где-то совсем рядом в зарослях рычал голодный медведь, издали ему отвечали многоголосым воем волки. В черноте ветвей ухал филин. А туман под луной превращался и в вовсе невиданных зверей или чудовищ. Иоанн долго не мог заснуть, с головой укрытый тяжёлым отцовским плащом, он молился и думал: ну как он будет жить в такой лютой глуши? Один, без отца – сильного и мудрого? Без мамы, которую Господь так рано забрал к себе, без любезного братика Климента? Молился и тихонько, что б никто не слышал, плакал.

Но вот, наконец, они прибыли в пустынь. Въехали в отворённые на день ворота, спешили. Оставив коней слугам, Стефан за руку ввёл Иоанна на церковное крыльцо. Приотворив дверь, тихонько втокнул в темноту храма:

- С Богом, сынок.

Оглянувшись на дверной скрип и увидев робко входящего мальчика, молившийся перед иконой Пресвятой Богородицы игумен Сергей вдруг возликовал духом, и, поднявшись с колен, почти бегом поспешил навстречу. Быстро перекрестил-благословил племянника, и присев, обнял. Ласково заглянул Сергей в детские глаза, пригладил светлые волосы, и ребёнок ясно почувствовал, как все страхи оставляют его. Словно туман от солнца, блекнут и растворяются тревоги, пропадают сомнения. Столько любви и сердечности излучал взор преподобного, что Иоанн и сам обнял дядю, разом забыв всё, о чём думал и плакал в последние дни и ночи. Нет, не одинок он будет здесь, не беззащитен! Ясно почувствовал мальчик, что обняла его и накрыла необычайная добрая и благая сила, которая всегда будет защищать его от всех врагов, будь то злые люди, звери или демоны. Что силой этой навсегда теперь отогнаны его страхи, что никогда более он не будет плакать от беспомощности, ибо навсегда рядом с ним будет Тот, Кто никогда не оставляет человека. Если только человек сам через плохие мысли и поступки – через грехи не оставляет Его. Мальчик ясно ощутил благодать – благую силу нашего Господа.

- Прими чадо сие, брат. – Вошедший Стефан в пояс поклонился Сергию. – Вручаю тебе сына на воспитание, ибо сам жажду покинуть мир и принять монашество.

- Не мне, не мне вручаешь, брат. – В ответ и Сергей поклонился Стефану. – Не мне, но Господу нашему Иисусу Христу.

Ибо в тот же миг, как скрипнули двери, открыл ему Господь, что вошёл в храм не маленький, несчастный и запуганный сирота, а великий подвижник Божий, избранный на особые молитвенные подвиги и деятельные труды по благоустройству Русской Церкви.

Посему, не медля ни минуты, повелел игумен Сергей алтарным служкам готовить всё к обряду пострижения. На его призыв собралась вся братия, раздули кадило, принесли елей и ножницы, возложили на аналой Крест и Евангелие. Едва дыша стояли вдоль стен боярин и его дружинники, торжественно пели монахи, строго читал обрядные молитвы иеродиакон, а в те моменты, когда замолкали все голоса, в сгустившимся воздухе слышался шорох как бы от множества крыльев – то ангелы слетелись встречать нового собрата. Ведь монах – это человек, при жизни принимающий на себя ангельский образ.

Случилось это 20 апреля тысяча триста тридцать седьмого года – или 3 мая по новому стилю, в день, в который Православная Церковь поминает святого праведного Феодора Трихину. И потому был наречён двенадцатилетний отрок Иоанн в иночестве Феодором.

Шли годы. В монастырском послушании – в непрестанных трудах и молитвах Феодор возрастал и креп и телом и духом. И всё удивлялась братия дару предвидения своего игумена – вот, едва взглянул преподобный Сергей на незнакомого мальчика, и сразу же определил, что перед ним истинный монах. Действительно, кроме всего того, что делали другие, Феодор, отличавшийся кротостью нрава и молчаливостью, находил в себе силы для старательного и успешного изучения иконописи и греческого языка, много читал. Откуда были эти силы? А от послушания. Ведь как только выпадала любая, даже самая скоротечная возможность, он исповедовал игумену свои помыслы и желания, потом делая всё только по Сергиеву благословию.

Когда Феодор достиг возраста тридцати лет, его возвели в сан священника, теперь он был не просто монах, а иеромонах, и мог сам совершать Божественную Литургию. Однако он продолжал ни в чём не отрываться от своего духовного наставника, и не напрасно: однажды сразу несколько монахов увидели, как во время совместного служения в алтаре Сергия и Феодора, им прислуживал ангел!

Преподобный Сергей иногда брал с собою скромного и памятливого ученика на встречи и в поездки по церковным делам. Так в Переяславле-Залесском, куда Сергия призвал Московский Митрополит Алексей, Феодор познакомился с посланцем Константинопольского Патриарха Киприаном. И не знал тогда юноша, насколько тесно

его судьба перевяжется с судьбой этого болгарина, учёного богослова и постника, последователя самого строгого монашеского учения – исихазма. Не знал тогда Феодор, что Киприан станет Митрополитом Киевским, а затем и всея Руси, что придётся ему даже дважды защищать Киприана от клеветы перед патриаршим судом. А тогда, при первой встрече, они просто понравились друг другу после совместных молитв, так как почувствовали духовное родство, какое даёт людям Православие, невзирая на национальность и место рождения.

Однако, рано или поздно, но наступает срок, когда повзрослевший сын покидает родительский дом, когда ученик, сам становясь мастером, покидает учителя, когда получивший достаточный духовный опыт монах сам становится игуменом, то есть чьим-то духовным отцом и учителем. Ведь «игумен» по-гречески означает – «ведущий», тот, кто ведёт других. Вот однажды, стоя на коленях в уединённой молитве, Феодор услышал голос: «Феодор, иди в пустыню, ты устроишь там обитель, соберёшь в неё многих иноков, мужей желаний духовных, и получишь великую награду на небесах»!

Такой радостью забилося сердце молодого иеромонаха: основать новый монастырь, стать игуменом и получить за это Царствие Небесное! Да разве можно монаху мечтать о чём-то ещё? Разве что – получить епископство и руководить целой епархией! Забилося-заколотилось Феодорово сердце, кровью ударило в голову, так сразу захотелось ему и немедленно храм в пустынном месте построить, и побыстрее новоявленных иноков внутренней молитве научить, и обязательно тогда в Рай попасть! Однако не зря он двадцать лет провёл в полном послушании своему духовнику. Другой кто, может быть, и помчался бы самовольно исполнять услышанное, но не Феодор. Не желая попасть под соблазн принять собственное желание за указ свыше, он рассказал о голосе преподобному Сергию. Старец покивал, покивал головой, но ничего не ответил своему ученику. Молча повернулся и скрылся в своей келии. И вот кто другой, может, и стал бы просить-выпрашивать или даже требовать благословение на столь желанное дело, но Феодор смиренно принял отказ духовника. Хоть и кольнула обида – ну, не придумал же он такое! Но стерпел, погасил огорчение.

Минул год, второй. Феодор молился, писал иконы, переводил с греческого, служил в храме. И постепенно жар желания стать основателем и игуменом монастыря пригасал, всё чаще приходили мысли: хорошо, взялся бы, схватился за такой великий и тяжкий крест, а справился бы? Хватило бы ему сил и терпения, здоровья и мудрости? Ведь стоит только подумать – каково-то преподобному Сергию изо дня в день, из года в год, из десятилетия в десятилетие без отдыху и поблажки и самому Литургию служить, и других священников и дьяконов организовывать, и духовные пути монашествующим выправлять, и мирян к спасению души призывать? А ведь ещё личные молитвы, да келейное чтение Псалтыря и Евангелия нельзя пропускать, ни из-за праздников, ни по болезни. Каково это без отдыху? Да, пожалуй, прав был преподобный, что не разделил того восторженного порыва, не благословил наскоро на подвиг, который, может быть, Феодору и не по плечу.

Отходил третий год после чудесного голоса, и остывший Феодор почти окончательно уверился в своей неготовности и недостойности, как вдруг призвал его к себе Сергей. Жестом указал опуститься с ним рядом перед иконами на колени, и, в помолясь ко Святому Духу, тихо произнёс:

- Я, чадо, надеялся, что ты предашь кости мои гробу и станешь после меня игуменом на сем месте, но если хочешь теперь начать задуманное тобой дело, то да помогут тебе Господь и Пресвятая Богородица.

Феодор окаменел. Ибо вот так просто и тихо разом обрывалась его беззаботная жизнь, когда он ни за что не отвечал. Только исполнял послушания.

- Отче, да разве ж мною это дело задумано? То мне было сказано. А если бы моя воля, то уж я бы нынче и не стал ничего начинать. Но ты сам знаешь – Господь велит.

- Да, велит. Велит ставить тебе новый монастырь. – Кивнул головой игумен. – И потому ни в чём не сомневайся – Он поможет.

В одна тысяча триста семидесятом году, по благословию своего духовника преподобного Сергия и по указу митрополита Московского Алексия, на берегу Москвы-реки в местечке Симоново построил Феодор храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, возле которого устроились жить несколько монахов. Сам Феодор писал иконы для своего храма, а потом выполнял заказы и для иных московских церквей. Вскоре митрополит Алексий возвёл его в сан игумена. Казалось бы, вот всё и исполнилось: храм построен, иноки трудятся, из округи миряне стекаются за советами и благословениями. Но именно внимание мирян мешало молитве и внутреннему покою. К добродетельному подвижнику, благодатному молитвеннику, многоначитанному, мудрому и рассудительному, да ещё и красивому наружностью молодому игумену с каждым днём обращалось всё большее и большее число жителей Москвы и иных городков и сёл. Шли за советом уже по любому поводу, даже по мелочам. Шли и в будни, и в праздники, и днём, и ночью. Кто решил жениться, у кого корова заболела, кому наследство не досталось – «Батюшка, что делать»? А ещё некто-то соседу обиду нанёс, у другого конь захромал, а у третьего огород градом побил – «Батюшка, что делать»? Что, что? Молиться. Понятно же, что всякое искушение, всякая напасть Богом попускается, что бы напомнить человеку о бренности земного, о том, что всё здесь временное, смертное, и не стоит ни к чему сердцем прирастать. А, прежде всего, нужно думать о душе, которая вечная. Прежде всего надобно заботиться о ней, а не о корове, наследстве или капусте. Хотя, конечно, всех людей жалко. Жалко их тяжких трудов, их искренних слёз.

Однако, сколько не объяснял игумен Феодор смысл скорбей, сколько не утешал приходящих, не мог всех успокоить. Более того, с каждым днём народу прибывало и прибывало. Всё чаще он вспоминал, как хорошо было ему в юности жить в мало кому известной Радонежской пустыне, куда добирались только немногие, и где монахи могли спокойно трудиться и всласть молиться.

И в какой-то день Феодор не выдержал. Он тайно вышел из своей уже обустроенной обители, и, благословясь у преподобного Сергия, поднялся по реке на пять километров в дикое пустынное место, где начал строить каменный храм в честь Успения Божией Матери. Почти двадцать пять лет шло строительство. Долго? По мирским понятиям – очень долго. Но для монашеского сознания время не важно. Ведь для духовной жизни важно именно само деланье, важен молитвенный труд, а не сроки окончания работ. В строительстве, совершаемом с молитвой, человек строит не столько храм для общей молитвы, он строит самого себя: труд во имя Божие, во славу Божию – это прямой путь к спасению души.

Возле Феодора собрались самые верные ему монахи и послушники, с которыми он ввёл очень строгое общежитие – со строжайшими постами, с непрерывными молитвами, с беспрекословным послушанием. Так образовалась Новое Симоново. Из этой строгой правилами и благой нравами братской обители вышли взращённые в ней духовно великие подвижники и просветители Русского Севера святые Кирилл и Ферапонт Белозёрские. А в Старом Симонове обустроили монахи большое кладбище – братскую усыпальницу, где, среди иных, были похоронены схимонахи Александр и Андрей – знаменитые Пересвет и Ослабля. Те самые иноки-воины, которых преподобный Сергий благословил идти с князем Дмитрием Донским в битву на поле Куликовом.

После этой самой Куликовской битвы князь Дмитрий попросил Феодора взять на себя его, князя, духовное руководство. А что это значило – стать духовником великого князя Московского? Великий крест, тяжкую ношу. Потому что наступало переломное время в русской истории: заканчивалось монгольское владычество над миром. Великая империя, которой триста лет подчинялись Забайкалье и Китай, Тибет и Туркестан, Сибирь и Поволжье, Кавказ и Русь, Болгария и Ближний восток, начала распадаться на

раздельные ханства и улусы. Потомки самого, после Александра Македонского, знаменитого мирового завоевателя Чингисхана вступили в бесконечные междоусобные войны и братоубийственные свары и заговоры, так что у покорённых народов появилась надежда обрести свободу. Именно такой надеждой собрались двадцать русских князей под предводительством московского князя Дмитрия Ивановича Донского, и вышли на свою собственную, предназначенную только им дорогу – от Владимирско-Московского Улуса к Святой Руси.

Потому промыслительно, что именно в это самое время заботу о душе, о чувствах и мыслях князя-победителя, князя-объединителя, князя-надёжу, на которого теперь равнялись многие правители и вожди Севера и Юга, Запада и Востока, которого теперь многие любили и ненавидели, уважали и боялись, которому угождали и льстили, Господь возложил на того, кто с детства не знал ни ненависти, ни боязни, ни лести. С двенадцати лет воспитанный в строгом монашеском отношении к мирским благам, духовно сформированный под присмотром самого преподобного Сергия, претерпевший земную славу и бежавший от неё, Феодор стал тем камнем, на котором можно было строить любой дом, основывать любое дело.

А первым делом нужно было собирать Русь церковно, собирать духовно, по завету Господа нашего Иисуса Христа: «Ищите прежде Царствия Небесного». На этом завете строил свою церковную и общественную деятельность митрополит Алексей, об этом же радел его доверенный друг и духовный брат преподобный Сергий. Литургия – в переводе с греческого означает «общее деланье», «общая молитва». Общая церковная молитва – вот истинная скрепа для нации, и игумен земли Русской искал объединения княжеств братской любовью по примеру братства монастырского, что и заповедовал своим ученикам, рассылаемым на устроение всё новых и новых монастырей.

Сложность же заключалась в том, что Московский князь Дмитрий Иванович Донской был от рождения истинным воином. Смелый, сильный, сметливый, но не слишком хорошо образованный, он надеялся объединить Русь одной лишь своей великокняжеской волей. С двенадцати лет он постоянно находился в походах и сражениях, и после нескольких побед слишком уверился в силе своего меча, слишком зауповал на силу понуждения. Однако всё было удачно, пока он подчинял себе земли, до того платившие дань татарам, но вот когда он столкнулся с нежеланием поклониться Москве никогда под Ордой не бывших Руси Галицкой и Литвы, князь Дмитрий стал совершать политические ошибки, теряя друзей и союзников. Чем тут же воспользовались и Польша, и Золотая Орда, и Тевтонцы, и Генуя – ведь собиранию и единению самостоятельной и самодержавной Православной Руси противостояло немало могущественнейших сил.

И вот в эту-то напряжённую мировую борьбу Господь ввёл мечтавшего о тихом иноческом житии, о безмолвной молитве, о келейном чтении святых отцов и иконописи раба Своего Феодора. Но, по благословию преподобного Сергия, Феодор смиренно принял и это тяжелейшее послушание, став духовником своенравному князю, его супруге, и крёстным отцом троих их сыновей.

Русская церковь тогда находилась в дочернем подчинении церкви Византийской. Своих патриархов у нас не было, и Патриарх Константинопольский, или, как его называли русские – Царьградский, назначал нам митрополитов. Так вот, в 1375 году Константинопольский патриарх Филофей постановил, что после смерти преклонного уже годами владыки Алексея митрополитом Киевским, Русским и Литовским станет знакомый Феодору болгарин Киприан. И через год «пришёл из Царьграда на Русь» Киприан через Литву, где самостоятельно попытался примирить литовского, смоленского и тверского князей с Москвой. Однако князь Дмитрий Иоаннович в ревности к давним своим противоборцам не принял Киприана, сказав: «Есть у нас митрополит Алексей, другого не надо». Более того, княжеские слуги, видя недоброе отношение своего

господина к прибывшим, напали на них прямо на московской улице, избили и ограбили, раздев митрополита Киприана и его свиту до нижнего белья. Так что едва те, пользуясь людской милостыней, добрались до Киева.

В 1378 году святитель Алексей предстал перед Господом, и тело его было погребено в основанном им Чудовом монастыре. Вот тогда-то и оказалось, что на Руси правят сразу три митрополита. Первый – Киприан Киевский и Литовский, второго – Антония, под давлением польского короля Казимира византийцы поставили в Галицкую землю, а третьего сам себе захотел московский князь Дмитрий. Для чего повелел во всём с ним всегда согласного семейного попа Митяя срочно постричь в монахи, и, выдав ему печать покойного Алексея, приказал называть его «высокопреосвященным митрополитом Московским». И вот на всё с князем согласного самозванца, наскоро постриженного с именем Михаил, отправил князь Дмитрий в Константинополь с письмом-требованием к Патриарху утвердить Митрополитом Московским. Тогдашний повелитель Золотой Орды хан Мамай тоже боялся, что если единым церковным вождём на Руси станет Киприан, то он своей духовной властью соединит Москву, Галицию и Литву, которые вместе смогут противостоять Орде, и потому так же выдал Михаилу-Митяю на дорогу свою охранную грамоту – ханский ярлык.

Узнав о таком княжеском неразумии, преподобный Сергей Радонежский срочно призвал к себе Феодора, и благословил его в свите епископа Суздальского Дионисия так же поспешить в Константинополь, чтобы поддержать утверждение митрополита Киприана владыкой над всюю Православной Русью.

Дорога из Москвы в Константинополь в те времена была долгой, трудной и очень опасной. Не имея ярлыка-пропуска из Золотой Орды, всякий идущий пешком или едущий верхом мог в любой момент быть ограблен, избит и даже убит или захвачен в рабство. Поэтому купцы и иные путешественники сбивались в караваны и обозы, нанимали охрану и передвигались от одной крепости до другой, где платили за безопасный ночлег.

Вначале плыли по Оке, потом по Волге – до татарского города Сарай-Берке, оттуда по суше перебирались к Дону. На этот путь тратилось сорок дней. По Дону спускались к Азову, где пересаживались на морские суда, и плыли по Азовскому морю в Чёрное, до крымского города Сурожа. Это ещё двадцать дней. Из Сурожа до Константинополя – ещё дней пятнадцать. Итого – два с половиной месяца безостановочного пути, да и то, если погода на море благоприятствовала.

В малиновом предраассветье на причале Коломны отслужили молебен, и Феодор с опаской сел в большую, тяжело гружёную товарами лодку. Сильные, с суровыми обветренными лицами московские купцы-попутчики дружно взмахнули тремя парами тяжёлых вёсел, затаили долгую-предолгую подорожную песню. После поворота со спины потянул лёгкий ветерок, и над лодкой развернулся белый, с рисованным глазастым солнцем, квадратный парус. Лодка всё более набирала ход, стараясь не отстать от каравана из ещё трёх судов, на которых расположился со своей свитой владыко Дионисий.

Из Москвы-реки через пару часов они вошли в более широкую, полноводную Оку. Со щемящим сердцем следил Феодор за проползающими мимо берегами, плотно поросшими плакучими ивами и высоченными тополями, за мелькающими в светлеющем небе, беспечно свистящими ласточками. Вот оставляет он свою родину, от которой никогда не желал бы отрываться. С каждой минутой всё дальше и дальше он от своего монастыря, где столько уже сделано, и ещё больше сделать предстоит. Как там справится братия без своего игумена? Не ослабеет ли молитва, не разленятся ли в трудах, не начнут ли раздоры? И как поведёт себя вспыльчивый князь, узнав о почти побеге своего духовника? Не наделал бы ненужного, вредного своей душе. А как будет скорбеть и страдать за ругаемого мужем игумена добрейшая княгиня?.. Нет, кабы не послушание от преподобного Сергия – идти-плыть за леса, горы и моря, идти-плыть защищать попавшего

под патриарший суд оклеветанного митрополита Киприана, никуда бы Феодор со своего места не струнулся!

Ползли берега, день за днём не меняясь в порослях ив, тополей да ольхи, пока не вышла лодка на волжские просторы. Здесь волны били и качали сильнее, и здесь их лодка присоединилась к каравану из таких же судов, чтобы ярославльским, московским и рязанским купцам с нанятыми ими воинами-венграми вместе проплыть через татарские владения.

Теперь земля на берегах мощно дыбилась округлыми, как хлебные караваи, горами, густо заросшими дубравами. Небо словно тоже стало повыше. Бледное, как будто в дымке, оно жарко дышало далёким солнечным огнём, и все на корабле прятались от жары, где только могли. Лишь рулевой, удерживающий тяжеленное кормовое весло, да недвижно сидящий странник в монашеском одеянии не скрывались от солнечного огня под полотняными навесами. Чайки парили над самой головой склонённого в сердечной молитве игумена, удивлённо заглядывая ему под колпак-куколь и перекликаясь пронзительными голосами. А Феодор беззвучно твердил Иисусову молитву, едва заметно перебирая пальцами чётки-лествицы.

Ползли берега, и всё более лысели горы. А река ширилась, набирала мощь. Белые меловые осыпи обрывов отражались в бледно голубых её водах. Дикие утки и гуси быстро перелетали над водными просторами, изредка с громким всплеском выныривал огромный сом, да неотступные чайки кружили и кружили над лодками, пронзительно перекликаясь.

Ползли берега. Но ни деревень, ни временных станов давно уже не встречалось. Иногда к воде выходили табуны лошадей и отары овец, пасомые вооружёнными луками и пиками булгарами. При виде проплывающих купцов пастухи что-то громко кричали, с лодок им так же громко отвечали толмачи. Потом переводили на русский: «за двумя поворотами на той неделе на караван напали разбойники, а далее, на косе у левой притоки, князёк местного улуса поставил свои палатки-юрты, так что надо приготовить ему дары, иначе разбойники могут напасть и на вас». Начиналась суета, купцы перепирались – кому по сколько складываться на подарок, точнее – на взятку татарскому князьку, который одновременно был и атаманом разбойников. Все жадничали, ведь путь каравану предстоял ещё длинный, и таких вымогателей впереди его поджидало не один и не два.

Владыко Дионисий пригласил Феодора в свою лодку, но Феодор выпросил разрешения оставаться в уединении. Он перебирался к владыке только в субботние и воскресные дни, так как на лодке епископа развернули походную церковь. Походная церковь – это такой маленький ларь-престол, на котором располагали антиминос, чашу и Евангелие, да складной иконостас на столбиках, обозначающих Царские врата. Послужив с архиереем и причастившись Святых даров, Фёдор возвращался к себе, проводя дни и ночи в сердечной молитве. Ни новые земли, ни новые люди не занимали его. Выросший в пустынных лесах, воспитанный в молчаливом послушании и непрестанной молитве, Феодор не отвлекался на внешнее, не прельщался ни переменчивыми видами природы, ни вмешивался в то и дело приключавшиеся разные события. Сопутники скоро свыклись с его неразговорчивостью и уважительно не беспокоили молящегося расспросами и рассказами.

Город Сарай-Берке путешественники вначале учуяли, затем услышали, и лишь потом только увидели: сотни и сотни очагов широко расставленных вокруг укрепленного земляным валом и деревянной стеной ханской крепости юрт топились конским и верблюжьим навозом. Удушливый дым, бляенье овец, ржание лошадей, пронзительные вопли ослов и рёв верблюдов – и вот он, конец их плаванья по Волге!

Вдоль берега в два ряда тянулись глинобитные, крытые камышом склады-сарай с товарами. Меж сараев бродили представители самых разных краёв Европы и Азии: вот китайцы с длинными тонкими косичками, а это монголы, потеющие в меховых шапках,

навстречу им норвеги в высоких кожаных сапогах, рядом туркмены в полосатых халатах что-то выторговывают у аланов в халатах чёрных. А ещё сидят у своих лавок какие-то вечно растрёпанные тибетцы и уйгуры, и бродят по рядам венгры и адыги, литовцы и ногайцы. Да, действительно, кого только не встретишь на пересечении дорог империи Великих Моголов!

Русские, особенно те, кто впервые попал в степные места, тихонько меж собой обсуждали неведомых животных: ослики – очень похожи на маленьких лошадей, только уши как у зайцев и хвосты как у коров, а вот верблюды! Верблюды! Огромные, гораздо выше лосей, горбатые и мохнатые, как медведи, и на длинных, по-птичьи мозолистых ногах, и с всегда грустно отвисшими губами – ну, совершенно ни на кого не похожи.

Уплатив дань хану Сарай-Берке за охраняемый ночлег, купцы, с которыми ехали епископ со свитой и Феодор, покинули никогда не затихающий город на рассвете. Ещё с вечера перегрузив товары с лодок на огромные телеги, неспешно влекомые здоровенными длинноногими быками, с первым лучом восходящего солнца пыльной петляющей дорогой они направились через холмистую лысую степь к Дону.

Через сорок дней от начала своего путешествия Феодор увидел легендарный Дон. Он был не намного шире их Москвы-реки, но течение очень сильное. А ещё Дон, в отличие от рек Средней Руси, не петлял, почти прямо разрезая поросшую высоченными травами степь – Дикое поле. В этих местах тоже никто не жил постоянно – на берегах ни деревень, ни городищ, только редкие пастухи кочевали по степи со своими стадами. Да проскакивали на рысях небольшие воинские разъезды и казачьи ватаги в поисках наживы от беззащитных. Дикое поле потому и прозывалось «диким», потому что жить здесь мирно и спокойно было невозможно: грабили, уводили в рабство, убивали многочисленные шайки разбойников из самых разных краёв и самых разных национальностей. Так как никто здесь постоянно не жил и не охотился, то заросли прибрежных тростников буквально шевелились от гнездящейся в них дичи. Никогда не издававшие людей утки и кулики, лебеди и казарки, цапли и фламинго криком и шипением, писком и треском провожали опять перегрузившихся на лодки путешественников. А на вечерних зорях река буквально вскипала тысячами играющих рыбок: что там сетью – рубахой всегда можно было наловить окуней и лещей.

Ещё двадцать дней сплава по Дону, и караван достиг Азова. Это был укрепленный город-порт с крутым земляным валом, с выложенной глиняными плитками стеной и зоркими сторожевыми башнями. Отсюда начинался морской путь – через Азовское море в море Чёрное, далее, через узенький Дарданелльский пролив, в море Мраморное. И далее, далее в море Средиземное, из которого, потом, где-то ввиду Марокко и Испании, промеж Геркулесовых столпов можно было выйти и в Океан.

Вновь перегрузка товаров, теперь в трюмы больших, с закрытыми палубами и высоченными, сплошь опутанными верёвками и лестницами, мачтами, с носами, украшенными вырезанными лебедиными головами, морских кораблей – ладей. Дионисий и Феодор посетили в Азове православный храм, в котором службу вели византийские священники. Вот где в первый раз пригодилось знание греческого языка, когда-то выученного юным Феодором в лесной Радонежской пустыни! Заказав молебен о путешествующих с ними купцах и охранниках, Феодор, дабы не волновать сердце ненужными страхами и переживаниями, опять обустроился отдельно от всех на корме своей ладьи и привычно погрузился в молитву. Он верил: какие бы бури не выпадали на пути, какие шторма и ураганы не встречались бы, если на то Божья воля, то ты всё равно достигнешь поставленной цели. Будешь ли ты бояться или даже паниковать, ломиться напрямую или искать обходные дороги, яриться или же прятаться – всё равно всё совершится по воле Божьей.

Феодор никогда не видел столько воды – от горизонта до горизонта, ровно столько же, сколько сверху голубело неба, снизу синело морской глади. Первые десять дней ветра почти не было. Суда едва ползли по почти зеркальной поверхности Азовского моря, так что и сопутники Феодора, устав от бездействия, тоже постепенно погрузились в молчание. Но вот, наконец-то, от востока потянуло, понесло прохладой, при этом подпирая небо низкими тучами. С каждой минутой ветер всё нарастал, усиливался, крепкими порывами вверх-вниз раскачивая корабли, и так сотрясаемые громко шлёпающими под борта боковыми волнами. Вскоре к неприятностям качки добавился дождь. Однако Феодор, закутавшись в рогожу, упорно не уходил с палубы, продолжая молитву.

Мимо Тмутаракани суда вышли из Азовского в Чёрное море, в котором штормило уже совсем серьёзно. Длинная коса Тузла, разделявшая два моря узкой песчаной полосой, с одной стороны захлёстывалась разбушевавшимся прибоем, с другой сохраняла полосу затишья. В этой более-менее спокойной водной полосе живой многоцветной мозаикой прятались от непогоды сотни и сотни тысяч самых разных птиц.

Не зря Чёрное море называют «чёрным» – во время шторма синие волны действительно почернели. Гонимые попутным шквальным ветром, то и дело зачерпывая носами водяные валы, корабли в два дня дошли-долетели до Сурожа.

Построенный на берегу удобной, закрывающей от штормов бухты, крымский порт-крепость Сурож в то время был одним из богатейших городов Черноморья. Сюда сходились земные и морские пути двух континентов – из китайского Шэнцзына и узбекской Бухары, из египетского Каира и испанской Кордовы, из арабской Петры и шведской Бирки. Здесь, под защитой высоких каменных стен, возведённых лучшими итальянскими мастерами, Азия и Европа торговали с Африкой. Меха, шерсть, древесина, янтарь, зерно, лён, бумага, краски и целебные травы из Китая, Сибири, Персии, Руси, Литвы закупались армянами, евреями, турками, арабами, викингами и итальянцами, встречно продавшими оружие, шёлк-байберек, бархат-аксамит, парчу, кожи, специи, драгоценные украшения.

Трое суток путешественники пережидали непогоду в бухте. С утра сходя на берег, они небольшими группами разбредались по многочисленным торговым улочкам и площадям. С одной стороны поражало и веселило глаз обилие искусных чеканных и резных украшений, богатство одежд, обуви, изумительное ремесло ковроделов, оружейников и горшечников, дразнило разнообразие мясных и рыбных блюд, ублажало дух драгоценными ароматами мира и ладана. Но, с другой, страшное впечатление оставлял рынок рабов. Мордва, русичи, адыги, персы, греки, болгары – захваченные в плен мужчины, вырванные из семей женщины, отобранные в качестве дани дети... Нестерпимо было слушать плачи и стоны закованных в цепи и запертых в клетки ни в чём не повинных страдальцев. Сердца рвались на части, когда видели православные, как эти несчастные, лишённые родины и родни люди продавались иноверцами наравне со скотом. Особенно ценным «товаром» считались девушки, пригнанные из-под Киева и Смоленска, Владимира и Твери – за двух рабынь-славянок торговцы-арабы давали одну лошадь или пять верблюдов...

Богатый, роскошный город Сурож и – проклятый! Город, которому горькое горе приносило жирные барыши.

Феодор все эти дни сослужил в алтаре и пел на клиросе в русском храме Ильи-Пророка, выстроенном московскими и тверскими купцами-гостями. Здесь, так далеко от Руси и так близко от рынка рабов, особо проникновенно звучали слова молитвы: «Спаси, Господи, и помилуй старцы и юныя, нищия и сироты и вдовицы, и сущие в болезнях и в печалях, бедах же и скорбех, обстояниих и пленениих, темницах же и заточениих, изряднее же в гонениих, Тебе ради и веры православныя, от язык безбожных, от отступник и от еретиков, сущия рабы Твоя, и помяни я, посети, укрепи, утеши, и вскоре силою Твоею ослабу, свободу и избаву им подаждь».

Когда же волнение на море немного стихло, путешествие продолжилось. С краткими заходами за пресной водой и хлебом в византийские города Синоп, Амастрию и Пандораклию, менее, чем в две недели корабли добрались до Константинополя.

Величайший город христианского мира с трёх сторон омывался водами: с запада – Мраморное море, с юга – бухта Золотой Рог и с востока – пролив Босфорский, иначе – Русский. Пролив назывался «Русским», потому что именно через него приходили корабли с Руси. Но Босфор нехорошо славился у моряков бурными и всё время меняющимися подводными течениями. Потому с этой стороны причалов у Константинополя не строили.

Корабли завернули в бухту Золотой Рог, охраняемую императорскими боевыми кораблями – галерами. Обитые медными щитами, с острыми, медными же, носами-таранами галеры могли быстро передвигаться при помощи вёсел, расположенных в три ряда друг над другом, так что не зависели от направления ветра. Гребли на галерах всё те же рабы и преступники, прикованные к своим вёслам цепями.

Бухта Золотой Рог встречала гостей мелкой рябью волн, ещё не успокоившихся после недавней бури. Низкое утреннее солнце, отражаясь, дробилось в миллиарды блестящих зайчиков, от чего бухта казалась действительно золотой. Пройдя меж боевых, грозно окованных медью галер, русские купеческие ладьи приблизились к причалам, издали похожим на зимний лес из-за бесчисленных мачт тысяч и тысяч стоящих кораблей. Да, когда-то Коломна и Сарай-Берке показались путешественникам немалыми портами, потом своими размерами поразили их Сурож и Синоп, но только теперь они увидели, что по праву Константинополь называли Царьградом. Это был настоящий царь-город, царь городов. Царь городов православных.

Белые крепостные стены с могучими башнями опоясывали величественный холм, сплошь покрытый древними и новыми строениями. Множества церквей и дворцов краснели черепичными крышами промеж зелёных садов. И, конечно же, над всем – и над дворцом базиликов-императоров, и над спортивным цирком-амфитеатром – царила сверкающая золотыми крестами Святая София. Да, не было в те времена в мире храма, по величию и красоте даже близкого Константинопольской Софии.

Как писал Прокопий Кесарийский: «Этот храм представлял чудесное зрелище, для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нём – совершенно невероятным. В высоту он поднимается как будто до неба и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его как составная его часть, сам украшается им, так как, будучи его частью и входя в его состав, он настолько выдается над ним, что с него можно видеть весь город, как на ладони». А город-то и сам для тех времён был исключителен и невероятен – если другие столицы Европы насчитывали тогда едва ли десять-двадцать тысяч жителей, то в Константинополе в периоды мира и процветания проживало до миллиона человек!

Удивительной гармонии белые стены и золочёный купол Святой Софии поражали красотой всякого ещё издали. Будь то римлянин или москвитянин, иерусалимец или лондонец, душу ещё только подходящего человека Святая София заполняла силой неопишуемого восторга от предчувствия прикосновения к неземному, к идеальному, к божественному. Высоченное мраморное крыльцо, тяжеленные пятиметровые, оббитые золочёной медью двери, и – крестись, входящий! И пади ниц перед божественным великолепием!

Рассеиваемый арочными рамами сорока подкупольных и двадцати стальных окон, свет мягко заполнял всё пространство храма, отражаясь от мозаичных мраморных полов, сверкая золотой мозаикой с пятидесятиметровой высоты купольного свода. Входящего на службу встречало пение полутысячных хоров неопишуемой силы и мощи, и вдыхаемый воздух был густ от сладкого ладана, курящегося в специальных подпольных жаровнях, а со всех стен и сводов смотрели неисчислимые святые. Смотрели так проникновенно и пронзительно живо изображённые на фресках и мозаиках патриархи, пророки, апостолы и

святые были словно физически, телесно рядом с молящимися. Сотни иереев и дьяконов выходили из алтаря, ещё громче воспевали хоры, и кто бы помнил, был он в тот момент на земле или же на небе...

Всякий входивший в Святую Софию, будь он даже язычник или иноверец, проникался тут осознанием Божьего величия. Всякий понимал, что здесь центр, здесь сердце вселенского Православия.

Епископ Дионисий и игумен Феодор, поселившись около русского храма Иоанна Предтечи в доме русских купцов-гостей на северном гетуэзском-фряжском квартале Константинополя, восемнадцать месяцев ожидали патриаршего решения по поводу того, кому быть на Руси митрополитом. При этом каждую неделю Патриарх Нил призывал епископа Дионисия и других посланников Русской церкви к себе. Они вместе служили воскресную литургию в Святой Софии, затем вместе обедали и беседовали о вселенских канонах и византийских обрядах. Кто занимался чем, а Феодор, как только выпадала малейшая возможность, укрывался в патриаршей библиотеке, читая по-гречески и переводя на русский язык сочинения святых отцов, богословов и аскетов Синаия и Афона. Патриарх Нил, которому доложили о занятиях Феодора, подивился такой тягой русского монаха к знаниям, приказал привести того для личной беседы. И, поражённый образованностью и богомудрием молодого игумена, возвёл Феодора в сан архимандрита, благословив Симонов монастырь ставропигией – правом подчиняться ему, Византийскому Патриарху, напрямую.

Господь Сам рассудил о митрополите для всей Руси – гонимый встречными ветрами, корабль Митяя-Михаила долго не мог подойти к Константинополю, а когда самозванец, наконец-то, всё же увидел Царьград, то вдруг умер.

Так что утвердили русским митрополитом Киприана. И это его киприановыми миротворческими стараниями встали через год литовские войны рядом с галицкими, смоленскими и другими русскими, объединёнными знамёнами Московского князя, чтобы принять участие в великой битве на Куликовом поле.

Вернувшись домой, архимандрит Феодор твёрдо вознамерился вновь замкнуться в стенах своего Симонова монастыря, всего себя посвятив сердечной молитве, церковным службам, иконописи и переводам привезённых из Царьграда греческих книг. Всё, хватит с него степей, морей и гор, хватит крикливых базаров в золотой роскоши и рабских столах! Не нужна ему блескучая слава, что подшита чёрнотой зависти. Не ему терпеть слепого исполнительства и подлых интриг вокруг власти княжеской, ханской или императорской! Хватит! Есть для православного человека только одна истинная власть – Божия, и единое истинное богатство – благодать. И молитвенный труд – единственный путь к той власти и тому богатству. Которые «тать не крадет и червь не точит».

Праздники для прихожан, посты для братии, ночи в молитвах, дни в трудах – такой сосредоточенной во славу Господа жизни хотелось Феодору. И как хороши для этого были столь милые его душе глухие еловые леса и клюквенные болотины срединной Руси, прорезанные петляющими речками, просветлённые округлыми озёрами. Городки и сёла, где ремесленничали и огородничали, ковали и сеяли, рожали и хоронили; крепосцы-детинцы с резными теремами и скруглённые слободские улицы с тёплыми избами; ветхие храмы и новые монастыри – Русь, родная земля, то цветущая, то укрытая снегом, то пышно звёздная, то омыто радужная, тихая, миролюбивая, пресветло-светлая молитвенная Русь – ну зачем покидать тебя, за чем, с какой целью?! Здесь, на лесном берегу Москвы-реки неспешно возводить и украшать каменный храм, день за днём укреплять монашеское братство, терпеливо пастырствовать над прихожанами и за всё славить Бога – разве можно иноку и священнику желать иного?

Правда пришлось Феодору съездить во главе посольства Великого князя Дмитрия Ивановича Донского в Киев, но то была приятная ему миссия – призвать на Московскую

архиерейскую кафедру Митрополита Киприана. Рад был Феодор примирению этих великих людей, равно отдававших все свои силы благу России, но не всегда понимавших друг друга.

Однако вновь собрались тучи над Русской Церковью, а над самой Русью они и не расходились. Едва минуло два года после разгрома Мамаю, как новый властитель Золотой Орды хан Тохтамыш, не смотря на то, что русские князья прислали ему и дары, и выказали уважение, выступил походом на Русь и разорил её, пожёг многие города, в том числе и Москву. По всей земле вновь послышались плачь и стоны – слишком многие воины сложили головы в недавней битве на поле Куликовом, и не успели подрасти новые бойцы, так что некому было встать на защиту Руси. Воспользовались этим и враги Церкви. И прежде всего, поползли в Орду и в Константинополь генуэзские торговцы-фрязцы и их русские подельники купцы-гости с клеветой, ябедами и наветами на митрополита Киприана.

«При чём тут генуэзцы?» – Спросите вы. – «Генуя – город в далёкой от Руси Италии, и какое могло быть дело итальянцам-католикам и иудеям до того, кто являлся Московским митрополитом?»

А такое! Мы привыкли видеть только тех внешних врагов, которые открыто пытаются захватить наши земли, поработить наш народ. Каганы Хазарии и Булгарии, псыррыцари Тевтонского ордена, польские шляхтичи, половецкие ханы и ханы Орды – это всё враги явные, но есть ещё в мире вражеская сила, и сила страшная, которая играла и играет важнейшую роль во всех исторических событиях. Эта сила – демоническая, сила антихристова, тайно захватывающая страны алчностью, поработящая народы страстью наживы, да так незаметно, что ничего вроде не меняется – и границы целы, и власть не ослабела, а вдруг земля перестаёт быть родной своему же народу.

Но сила эта имеет своё и материальное воплощение – сегодня она захватывает мир посредством глобальных бирж, корпораций и международных банков, а в те времена – под видом торговых и ростовщических городов-республик под властью олигархов. Такие города рассеяны были тогда по всей Европе, даже наш Новгород Великий тоже некоторое время управлялся советом богачей – вечем, из сиюминутной выгоды то призывавшим, то изгонявшим епископов и князей, в том числе пытавшихся гнать и Александра Невского. Но главным сосредоточением духа алчности в мире были в те времена итальянские Венеция и Генуя. Эти торговые и ростовщические города-республики опутали долговыми сетями всю Европу, половину Азии, Северную Африку. Не имея собственных земель, не являясь собственно нациями, эти разнонародные и разноверные республики жили только одной идеей – богатеть, богатеть и богатеть! Всемирная торговля оружием и людьми, специями и хлебом, вином, долгами и секретами, вкупе с жесточайшим ростовщичеством, собрала для Венеции и Генуи несметные ценности, какие не имели в те времена даже самые великие монархи.

То и дело воюя меж собой, эти города-республики содержали гигантские торговые и военные, зачастую пиратствующие морские флоты, они нанимали сброд из всех стран и государств в грабящие всех и вся сухопутные войска, и, вступая в союзы и заговоры с владыками государств, оказывали давление на мировые события в своих корыстных интересах. Большие и малые королевства и княжества Франции и Англии, Германии и Венгрии, Польши и Кавказа зависели от них. Греки, поляки, литвины, русины и персы, начиная войны и заключая мирные договоры, должны были считаться с мнением генуэзских и венецианских правителей-дожей. Испанские короли и Византийские цари, Арабские и Турецкие владыки, ханы Золотой орды и Великой Монгольской империи постоянно советовались с их посланниками – ведь многие войны, тайные перевороты и народные бунты в разных концах мира совершались на деньги из Венеции или Генуи.

И в истории нашей Родины немалую роль сыграли интриги Генуи, когда Русь освобождалась от ордынского ига и собиралась из разрозненных княжеств в единое

государство. Ведь Генуэзская республика являлась тогда монопольным владельцем торговли на землях крымских, волжских и прикаспийских татар, по которым проходил великий Шёлковый путь – главный торговый путь из Китая в Европу. Генуэзским купцам, называемым на Руси «фрязцами», не нужно было новое государство, ибо все знали, что на подвластных православным князьям территориях прекращался один из самых прибыльных видов торговли – торговля пленными и рабами. Поэтому в войсках Мамаю на Куликово поле против русских выходила фряжская тяжёлая пехота. А через год, когда разбитый Мамай стал никому не нужен, те же генуэзцы его и убили, когда беззащитный хан прибежал в их город Кафу.

Но это история отдельная, мы же вернёмся к нашему повествованию.

Новый хан Золотой Орды Тохтамыш, подученный генуэзцами против митрополита Киприана, заставлял князя Дмитрия Донского сменить его митрополитом Пименом, что должно было привести к разделению Русской Церкви. Одновременно пришли клеветнические наветы и в Константинополь к Патриарху. И тогда вновь преподобный Сергей Радонежский послал Феодора в Царьград защищать перед Синодом Киприана и разоблачать Пимена.

Не думал Феодор, что через три года вновь придётся ему отправиться тем же путём в Царьград, опять разьяснять Патриарху русские церковные дела. Только теперь всё получилось запутанней, так что и сам Фёдор по ложным доносам всё тех же неугомонных фряжцев оказался на несколько месяцев заточённым в Кафе в генуэзскую темницу, из которой бежал с помощью православных охранников. Но Господь вознаградил Своего верного слугу за терпение скорбей, и в 1386 году новый Константинопольский патриарх Антоний возвёл Феодора в сан архиепископа Ростовского. Надо знать, что тогда на Руси только владыки Великого Новгорода носили архиепископский сан, остальные архиереи были простыми епископами.

Когда-то, добровольно разоривший себя верной службой князю и состраданием к мучимым ордынцами землякам, боярин Кирилл оставил Ростов Великий, тихо-тихо перебравшись с семьёй в малый городок Радонеж. И вот торжественным перезвоном колоколов всех своих пятнадцати церквей город встречал его внука, своего нового архиепископа Феодора. От Поклонного Креста сопровождаемый ростовским князем Александром Константиновичем со свитой бояр и дружинников, владыко с волнением приближался к крепостным воротам, защищаемым могучей острошатровой башней, сложенной из толстенных, в два обхвата, брёвен. Стены крепости из плотно подогнанных в часток кол крепких дубов высоко подпирались крутым земляным валом. Под стенами, перед залитым водой рвом полукружьями тянулись улицы из свободно стоящих изб с огородами, скотными дворами и банями. По одной улице селились горшечники, по другой кузнецы, дальше – кожемяки и рогожники, за ними бочкари-бондари, далее сапожники, шорники, скорняки, резчики ложек и братин, дегтярники и иные ремесленники, которыми так славилась Ростовская земля.

Толпы празднично одетых горожан и сельчан-смердов из ближних деревень стеснились у крепостных ворот, пестря синими кафтанами и красными сарафанами. В первых рядах, под хоругвями и вознесёнными на шестах иконами, в сладкой дымке от множества кадил, выстроились облаченные в блестящие ризы иереи, дьяконы, оттеняемые подрясниками чтецов и хористов. За ними, опираясь на клюки и посохи, степенно замерли белобородые старики. А вот стайки нетерпеливых ребятишек, нарушая порядок, с восторженными криками выбежали к неспешно подъезжающему архиерейскому возку. Едва сдерживающий слёзы умиления, владыко двумя руками благословлял малышей, а его служки одаряли их орехами и пряничками.

Так была явлена миру Божия справедливость: отдавший все свои богатства ради благополучия и счастья ближних, боярский род вознаграждался не только на Небесах, но и на земле, возвращаясь в некогда покинутый Ростов духовным пастырством.

Потомки тех, кому Кирилл выкупал в Орде жизнь и свободу, встречали его внука сердечной любовью и окружали обожанием. Нового архиепископа ростовчане приняли как своего отца, своего общенародного духовника, чье слово – непререкаемый закон, и все восемь лет архипастырского служения Феодора сопровождалось самым искренним послушанием. Послушанием всеобщим – от князя до подметальщика улиц. Такое радостное послушание произрастает лишь из любви.

И владыку было за что любить. Скромный до аскетизма в быту, требовательный к себе и милостивый к другим, неустанный служитель церковный и неусыпный молитвенник келейный, мудрый наставник и сердечный сострадатель, руководитель крупной епархии, архиепископ одного из знатнейших городов Руси во всем оставался верен простоте монашеских идеалов, посеянных и взращенных в нем преподобным Сергием Радонежским. Не зная, что такое отдых, а тем паче безделье, Феодор успевал столько, сколько порой под силу бывает десятку обычных людей. Он успевал окормлять вверенную ему епархию, часто служа литургии, всенощные и молебны, внимательно и отечески заботливо следил за состоянием и подготовкой приходского священства, радел о строительстве, ремонте и благоуукрашении храмов. Заложил и обустроил женский Рождество-Богородицкий монастырь и написал для этой обители икону Богородицы. Владыку вообще много писал икон – как для храмов Ростова, так и для иных городов, в том числе и для Москвы. Надо помнить, что в эти годы работал такой великий мастер, как преподобный Андрей Рублёв. То есть, во времена, когда иконопись на Руси поднялась до своих богословских и живописных вершин. На сегодня достоверно известны иконы его письма – это Деисус в храме святителя Николая, чудотворца Мир Ликийских, что «на Болвановке». Так же известно, что преосвященный Феодор автор самой первой иконы своего великого учителя преподобного Сергия Радонежского, написанной сразу после кончины преподобного в конце сентября 1392 года. Иконопись Феодора стала известна по всей Руси, так, что через сто пятьдесят лет его имя упоминалось на Стоглавом соборе среди других иконописцев-иерархов.

Надо ли говорить, что иконы в Православии почитаются особо, наравне с Евангелием и Крестом. И это почитание закреплено кровью и муками защитников икон, пострадавших от еретиков V-VII веков.

Ведь что, собственно, есть «иконы»? Иконы есть портреты Господа Иисуса Христа, Богородицы и святых. Портреты реальных, исторических личностей – ходивших по земле, дышавших воздухом, пивших воду. Но правдивый портрет святого невозможен без самой главной его характеристики – присутствия на данном человеке благодати, то есть, его наполненности силой-энергией Святаго Духа. Потому икона для нас есть свидетельство исторической реальности того, что Бог стал человеком – по Евангелию: «Слово плоть бысть». И ещё икона показывает и утверждает, что люди своими святыми мыслями, чистыми желаниями и честными поступками уже здесь, на земле, своей человеческой плотью стать богоподобными.

Восьмое правило Пято-Шестого Вселенского Собора, созданного Императором Византии Юстинианом II в Константинополе в 691 году, полагает начало тому, что мы называем «иконописным каноном». «Иконописный канон» есть набор признаков, по которым судят, является ли данный портрет святого иконой или же это просто благочестивая живопись. Ведь если в светской живописи художник волен сам определять как он изобразит задуманное, то все иконы пишутся строго по канонам. В переводе с греческого «канон» – «правильный образец». Образец к подражанию.

Вы спросите: «А откуда берутся иконописные каноны, эти образцы для подражания? Ведь иконы такие разные». И, правда, например, только «богородичных» икон на Руси насчитывается более двухсот: Одигидгия, Оранта, Владимирская, Курская, Донская, Игоревская, Казанская, Абалацкая, Нечаянная Радость, Неупиваемая Чаша, Всем скорбящим радости, Умягчение злых сердец, Державная.... В каждом уголке нашей

России и за её рубежами есть своя почитаемая икона. И список таких икон всё прибывает и прибывает. У каждого образца своя история. Однако, по любому, новые иконы – это ни в коем случае не плод воображения какого-то художника, не результат его творческой фантазии. Появление всякого нового образца обязательно связано с явным чудом, подтверждающим благодатность данного изображения: иногда это самоперенесение икон, иногда их мироточение, часто исцеления и исполнения молитвенных просьб. Когда такое свидетельство получено, тогда с чудотворного образца делаются списки-копии, причём иконописцы стараются как можно точнее передавать схожесть с первоисточником. Ведь схожесть списка с изначальным образцом, передаёт ему благодатность от копируемой чудотворной иконы.

Иконный канон, прежде всего, распознаётся по рисунку: по взаиморасположению ликов, рук, ног Господа, Богородицы или святых, и сопровождающих их различных предметов. Так Казанская икона – со стоящим «как свеча» Богомладенцем, Донская – с Его оголёнными ножками, Остробрамская – «на месяце», Тихвинская – «с пяточкой»... Затем следует символ-смысл цветов на одеждах: красный – страдания Державной, синий – небесного огня Серафимовской, фиолетовый – молитвенный Киевской Одигитрии. А ещё есть в иконописи богословски обоснованные отказы от определённых технических приёмов светской живописи: от создания иллюзий объёма и глубины, от динамичности сюжетных событий, от передачи излишней материальности тканей, деревьев, камней. И ещё в иконе употребляется очень определённый и всем понятный набор знаков: нимбы вокруг головы означают Божию благодать, свитки и книги в руках говорят о том, что эти святые были проповедниками Евангелия и учителями веры, кресты – что они прошли мучения за Христа, державы – были благоверными царями и князьями...

В «Настольной книге священника», в разделе «Иконопочитание» читаем: «Изучать христианскую символику отдельно от богослужения невозможно: она развивалась вместе с богослужением, вместе с ним толковалась и раскрывалась отцами Церкви. Вне богослужения она теряет свой смысл, превращаясь в ряд отвлечённых, бесплодных понятий». В своё время иконоборцы пытались икону из свидетельства правды опустить на ступеньку аллегорий, то есть, сделать её не свидетельством присутствия Божественной благодати в мире, а просто благочестивой картинкой, вроде исторического портрета. Но богомудрые отцы Церкви поняли: тогда и причастие из реальности присутствия причащающихся на вечной Тайной Вечери тоже бы, как у современных протестантов и иных сектантов, спускалось на уровень простой трапезы «в память о Тайной Вечери». Можно сказать, что защитники иконопочитания, заступаясь за иконы, встали на защиту Таинств Церкви.

А как икона сохраняла личные черты святого? Ведь если подвижник или мученик жил в Сирии или Риме в третьем или пятом веке, то как мог иконописец, живущий через тысячу лет в Новгороде или Москве знать, как выглядел в жизни тот, чью икону нужно было написать?

Дело в том, что из Византии к нам пришла и на протяжении долгого времени царила такая система изображений, в которой рисунок был набором знаков. Как определённые чёрточки означают звук «а» или «у», так и рисунок может означать впалые щёки или пухлые, прямые волосы или кудрявые. Иконописец читал описание святого: «Ростом бе мал, лицо худо и желто, брови круглые, глаза малы, нос длинен и горбат, борода бела и округла..», и так изображал, словно набирая на «фотороботе»: знак «круглых бровей», знак «длинного носа» и знак «круглой бороды». И таким образом икона святителя Николая, будь она написана в Константинополе десятого века или в Пскове века пятнадцатого, или в Тобольске в девятнадцатом столетии, икона хранила всеми узнаваемые черты святого. Везде нос был «тонок», лоб «высок», борода «невелика, округла и раздельна на две половины».

Ещё икона имеет удивительно долгую жизнь. Мы знаем, что Владимирскую икону Богородицы писал апостол Лука при жизни Девы Марии. Конечно, от его работы остались

лишь небольшие частички, но самые главные – это лики Божьей Матери и Младенца Иисуса, остальное – поздние подписи и подкраски. Но, всё равно, разве не чудо, что икона сохраняет первоначальные краски почти уже две тысячи лет?

Такое возможно потому, что иконы рисуются-пишутся на хорошо высушенной, крепко проклеенной и загрунтованной мелом деревянной дощечке. Чаще всего в России использовали липу, а в Греции и других южных странах брали на это дело кипарис и дуб. Грунтовая подкладка под краски называется «левкас», она намешивается из мела и рыбьего клея и наносится в несколько тонких слоев, которые после просушки полируются волчьим клыком. И краски для иконы тоже изготавливаются особые – из перетёртых в порошок полудрагоценных камней, из жёлтых, красных и синих глин, из медных и железных солей, и навечно скрепляются яичным желтком и квасом. Техника подготовки и нанесения рисунка очень трудоёмкая, требует много внимания, немалого опыта и огромного трудолюбия. Но, зато результат так прекрасен! Яркие цвета, да если ещё и с применением позолоты, крепкая блестящая поверхность, лёгкая доска-основание – икона может переходить от деда к внуку, из храма в храм – и везде, и всегда нести на себе Божию благодать. Молитва к святому, изображённому на иконе, достигает святого, и за то, что святой помогает молящимся, благодарные люди украшают иконы серебряными и золотыми окладами с драгоценными камнями и жемчугом. Конечно же, не икона, а изображённый на ней Господь, Богородица или святой исцеляют болезни, утешают, исполняют просимое. Но икона помогает нуждающимся молитвенно обращаться к конкретному Лицу, совершающему чудо, и потому такие иконы называют чудотворными.

Мастера, которые иконы пишут, находятся под особым вниманием Церкви. Так как икона предназначена помогать молитве, то иконописец и сам должен быть сильным молитвенником. Иконописец должен поститься, соблюдать посты, среды и пятницы, по возможности чаще посещать храмовые службы, по указке духовника исповедоваться и причащаться. Всё это для того, что бы в душе иконописца пребывал мир, что бы дух его был спокоен и Ангел Господень не отходил от него, хранил от ненужных искушений и страстей.

Когда владыко Феодор узнал о мирной кончине 25 сентября 1392 года преподобного Сергия Радонежского, он, конечно же, по-человечески очень расстроился. Родной дядя, воспитавший его с малолетства, духовный наставник, примером своей святой жизни и молитвенного подвига укреплявший в монашеском возрастании, прозорливый подсказчик и чудотворный помощник, преподобный Сергий всегда был для него опорой. Даже когда Феодор оказывался далеко от своего учителя, то и письмами, и молитвой тот поддерживал ученика в минуты случавшихся колебаний и слабости. И вот теперь Феодор уже никогда не сможет заглянуть в мудрые, лучащиеся добротой глаза, не сможет услышать ровный, умиротворяющий голос, не коснётся иссушенной постами и трудом благословляющей ладони! Вновь, как когда-то после смерти мамы, а потом отца, Феодор ощутил себя сиротой.

Но, с другой стороны, как всякий верующий, а тем более, православно верующий в Иисуса Христа, Господа, победившего смерть, Феодор не мог ни отчаиваться, ни даже сильно скорбеть. Ибо знал, что закончив жизнь земную, временную, преподобный Сергий перешёл в жизнь иную, вечную, где за свою праведность заслужил самых великих наград – лицезреть Господа и Божию Матерь, пребывая среди пророков, апостолов и святых. И уже из той, из новой жизни преподобный не оставляет тех, кто обращается к нему за помощью и утешением, как ранее обращались они к нему земному, тогда ещё телесно смотрящему на них, слушающему и дающему советы, благословляющему на благие дела. Всё остается по прежнему, только теперь эти помощь и утешение просят у преподобного Сергия не в прямой беседе, а молитвенно.

Да, только через двадцать лет после похорон пожаром открылись нетленные мощи Радонежского игумена, и пошло его официальное прославление в лике святых. Но то, что он святой, великий святой Русской и вселенской Православной Церкви, все окружавшие

его, даже мало знавшие или кратко видевшие, ясно понимали ещё при его земной жизни. А что уж говорить про ближних его учеников! Поэтому владыко Феодор, ни сколько не сомневаясь, в тот же день, как узнал об переходе Сергия Радожского в лучший мир, после отслуженной панихиды приступил к написанию иконы с ликом любимого наставника.

На листе пергамента он начертил сетку по размеру выбранной под икону доски, в которую вписал абрис головы и плеч. Основываясь на опорных линиях той же сетки, вписал в контур «знак высокого округлого лба», «знак больших глаз», «знак широких скул», «знак впалых щёк», «знак тонкого ровного носа». Обозначил пышные волосы, подвёл «округлую бороду». Конечно же, Феодору как никому другому были знакомы каждая чёрточка, каждая морщинка дорогого ему лица, но икона не отображает мелких подробностей. На ней только самое-самое важное, самое узнаваемое!

Пока архиепископ готовил предварительный рисунок, подмастерья на три раза загрунтовали досточку левкасом, отполировали, натерая чесночным зубком, завели-заболтали клеевой раствор из яичного желтка и кваса для новонатёртых красок.

И вот наступил день начала писания иконы. Отслужив молебен, владыко Феодор осторожно перевёл рисунок, называемый иконописцами «прорись», на залевкашенную дощечку и начал «заливать» краску по рисунку, так, как мы это делаем в раскрасках. Получились ровные пятна: тёмно-коричневое лицо, рыжеватые волосы и борода, тоже коричневые руки и совершенно чёрная ряса. На этом первый слой краски оставили на два-три дня просыхать.

Дело в том, что икону пишут в несколько слоёв, постепенно переходя от тёмного «заднего» к светлому «ближнему», а заканчивают рисунок и вовсе совершенно белыми штрихами-«движками». Таким образом получается, что раз за разом лик и фигура изображаемого святого как бы наполняются и наполняются светом, пока сами не начинают светиться.

После двух недель работы икона преподобного Сергия Радонежского была почти готова. Оставалось вызолотить нимб «тварёным» золотом – так называется золото, истёртое в порошок. А ещё в иконописи и для украшения иконостасов используют золото «сусальное» – раскатанное в тончайшие, аж до полупрозрачности, листочки. Так же заканчиваемую работу нужно было надписать – ведь икона считается иконой, лишь когда на ней есть подпись того, кто изображён. И это не простая подсказка для молящегося: мол, где тут кто, а письменное молитвенное призывание данного святого по имени.

Прошёл ещё день, и вот вызолоченную и подписанную икону покрыли олифой – варёным растительным маслом, которое, высыхая, делает поверхность гладкой и крепкой. Олифу иконописцы наносят на поверхность и растирают не кистями, а ладонками.

После всего икону «освящают» – архиерей или священник совершают над ней специальный обряд с окроплением-обрызгиванием её святой водой, который означает её церковное освидетельствование – изображение совершенно, не имеет ни канонических, ни художественных изъянов и недостатков, и на неё можно молиться.

Вот и всё... Икону, вынесенную на середину Успенского храма, торжественно освятили. Счастливый Феодор со вздохом наложил на себя крест, поклонился в пояс:

- Преподобный и богоносный отче наш Сергей, моли Бога о нас! – Иконописец первым молится на завешённую им работу. – Возри на нас милостиво и укрепи наше малодушие, и утверди нас в вере. Да молитвами твоими уповаем получить вся благая от благосердия Пресвятой Троицы.

И в этот момент луч солнца из верхнего подкупольного окна лёг прямо на центр храма, тёплым светом окутав икону, аналой и архиепископа. В храме все разом ахнули.

Вслед за архиепископом закрестились и закланялись, выстраиваясь в очередь, чтобы приложиться-поцеловать лежащую на украшенной летними полевыми цветами резной подставке-аналое икону, священники, дьяконы, иподьяконы, монахи, миряне. Ведь посмотреть на новую икону, написанную всеми любимым владыкой, да, тем более, изображающую лик преподобного Сергия, игумена Радонежского, о котором столь была

наслышана вся Православная Русь, в Успенском соборе собрались сотни и сотни ростовчан.

И каждого в умилении подходящего к аналою встречал проникновенный взгляд святого, каждого благословляла его рука. И коснувшись губами края иконы, отходили люди с осветлёнными лицами, словно им передавался благодатный свет от иконного лика. Словно Сергей сам стоял посредине храма, принимая всех кланяющихся ему под свою защиту.

Да, Бог дал рабу Своему Феодору художественный талант, и Феодор преумножил талант искусным мастерством и трудолюбием. Однако, кроме прочего, настоящие иконописцы должны быть не только образованы в учении Церкви, должны не только знать обряды, но и разуместь богословие, ибо иконопись даже и называют «умозрением в красках». Только умножение знаний ремесленных на знания богословские позволяет достигать в работе над образами идеалов. О богомудрии великих иконописцев, таких, как преподобные Феофан Грек и Андрей Рублёв, Даниил Чёрный и Дионисий, остались самые почтительные свидетельства современников.

Вот и владыко Феодор писал иконы, опираясь как на технические навыки, полученные от наставников в юности, так и на богословскую премудрость, изучению которой он отдавал любое свободное время в протяжении всей своей жизни. Много читая на славянском и греческом языках, он, как никто другой, хорошо знал богословское наследие отцов-основателей Православной Церкви, изучал и наследие боговидцев раннего монашества. Феодор перевёл с греческого языка молитвы патриарха Филофея Коккина, и некоторые литургические произведения. При этом все специалисты отмечают, что язык переводов святителя Феодора отличался простотой, чёткостью и выразительностью. Ведь он был настоящий поэт, писавший и собственные произведения. Но, конечно же, поэт церковный, поэт-монах, ведь писал он молитвенные гимны.

Кроме архипастырского служения, которое означало заботу и о священниках, и о храмах епархии, а так же участие в устройении русских общецерковных дел, по которым приходилось выезжать в Киев, Кафу и Константинополь, владыко Феодор взял на себя духовное руководство княжеской семьи. Князь Александр Константинович Ростовский много лет был верным другом и соратником московского великого князя Дмитрия Донского. И после смерти великого князя весной 1389 года, перенёс свою духовно попечительную дружбу на воссевшего на отцовский престол Василия Дмитриевича, кстати, крестника Феодора. Ростовский князь решительно поддержал Василия в возникшем споре о великокняжеском московском наследии с дядей Владимиром Храбрым. Только такая поддержка молодого сына Дмитрия верных его отцу русских князей удержала Русь от междоусобицы. И архиепископ Феодор так же приложил много сил к этому примирению – его молитвы, увещевания и проповеди удерживали молодые горячие головы, что на радость врагам могли разорвать так трудно и долго их родителями собираемую воедино Русь.

А ещё и потому князь Александр радостно принял духовное руководство нового архиепископа, что тот был племянником и учеником преподобного Сергея, которого очень почитал отец Александра, князь Константин Васильевич. Князь Константин в своё время даже выделил земли из своих владений на реке Устье под основание преподобным Сергием Борисо-Глебского монастыря.

Полюбили владыку Феодора супруга и дети князя.

Однажды в чёрное весеннее предрассветье в дворовые ворота покоев архиепископа начали стучать сразу с десятков кулаков. На шум залились лаем соседские собаки, в окнах засветились огоньки свечей. Архиерейские служки стали выпрашивать: «Кто там столь нагло стучит в неурочное время»? Оказалось – посланцы от князя. «Что случилось»?

Срочно просят прибыть владыку в терем, беда с княжичем. «Каким»? Иоанном. «А до света нельзя подождать»? Князь велел привезти немедленно, значит, надо везти немедленно.

Пока слуги князя и служки архиепископа во дворе перепирались, владыко Феодор наскоро облачился и спустился. Решительно сел в повозку, подогнанную к воротам. Кучер тут же захлестал кнутом по спинам двух запряженных лошадей, и, гремя бубенцами по спящим ещё улицам, они помчались к княжьим хоромам. Где-то позади бежали слуги с факелами, но догнать возок не могли.

Князь сам встречал Феодора на нижних ступенях резного и ярко расписанного райскими цветами и птицами крыльца. Только сейчас некому было любоваться на заплетённые хитрыми узорами сени, страх и растерянность запечатались на лицах суетной прислуги.

- Что приключилось у вас? – Архиепископ в один мах благословил князя, и, не дожидаясь ответа, забрав свечу у старой толстой няньки, поспешил по лестницам на второй спальный этаж.

- Сын мой, Иванушка. – Князь поднимался ступенькой ниже. – Вчера к вечеру расхныкался, на глазки стал жаловаться. Никто особо и не обратил внимания. Мало ли – может, соринка попала. А ему всё хуже и хуже. Ночью совсем раскричался, в жар впал. Глаза слиплись, не раскрываются, а теперь вот и кровь со слезами пошла. Отче, помоги!

- Бог поможет. – Войдя в душную, жарко натопленную комнатку, где вокруг кровати княжича толклись с причитаниями няньки, кормилицы, бабки, сенные девки и просто какие-то приживалки, владыка Феодор вдруг грозно прикрикнул:

- А ну, все вон!

Старухи, бабы и девки разом бросились на выход. Остались Феодор, князь и сидевшая подле ребёнка княгиня. Несчастливая мать рывком припала к ногам владыки, поцеловала край его ряссы.

Феодор склонился над разметавшимся отроком, широко перекрестил ото лба до ножек. Худенькое тело мальчика, облепленное мокрой от пота рубашкой, содрогалось от беззвучных всхлипов. Из-под глазной повязки на щеки вытекали розовые от смешения с кровью слёзы. Владыко погладил влажные волосы на горячей голове, положил на лоб ладонь:

- Скорый в заступлении един сый, Христе, скорое свыше покажи посещение страждущему рабу Твоему отроку Иоанну, и избави от недуг и горьких болезней, и воздвигни во еже пети Тя и славити непрестанно, молитвами Богородицы, едине Человеколюбче.

Ребёнок перестал трястись, задышал ровнее.

- На одре болезни лежащего и смертною раною уязвленного, якоже иногда воздвигл еси, Спасе, Петрову тещу и расслабленного на одре носимаго, сице и ныне, Милосерде, страждущаго посети и исцели: Ты бо един еси недуги и болезни рода нашего понесый и вся могый, яко Многомилостив.

Князь и княгиня, встав за спиной архиепископа, с надеждой смотрели на то, как Феодор, молясь в полный голос, поглаживал голову мальчика, расправлял рубашечку, утирал слёзные потоки.

- Тебе, Боже наш, раба Твоего отрока Иоанна, немощствующа посети милостию Твоею, прости ему всякое согрешение вольное и невольное. Ей, Господи, врачевную Твою силу с небесе низпосли, прикоснися телеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таящуюся, буди врач раба Твоего Иоанна, воздвигни его от одра болезненного и от ложа озлобления цела и всесовершенна, даруй его Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою.

И ребёнок затих совершенно, дыхание его выровнялось, сжатый рот приоткрылся. Он спал.

Закончив молитву, владыко Феодор на три раза перекрестил Ванюшку. Повернувшись, жестом подозвал к себе поближе родителей и прошептал:

- Пусть поспит, сердечко отдохнёт.

- А скажи, владыко, ведь это на него наколдовали? Аль сглазили? – Княгиня двумя руками поймала феодорову руку и поцеловала.

- Почто вы на кого-то вину переводите? – отнял свою руку Феодор. – Почто себя никогда не корите, не каетесь? По грехам родителей чадо страдает. Потому готовьтесь к исповеди, вспоминайте, чем Господа и Его Пречистую Матерь обидели. Или же пост нарушали, или среду и пятницу не соблюдали. Может, князь слугам должного не платил, может, княгиня сироту не обласкала? Не мне, вам лучше знать. А ты, князь, собирайся, поедешь со мной в храм Иоанна Богослова. Будем пресвященного Леонтия молить за отрока.

Святитель Леонтий, епископ Ростовский, к иконе которого призвал молиться князя Александра с супругой о выздоровлении сына, был знаменитым и очень почитаемым Ростовским проповедником и устройтелем епархии в пятидесятых годах одиннадцатого века, то есть, на самой заре крещения Руси. Святитель Леонтий, как когда-то апостолы, много пострадал от местных язычников, как из чудских племён мери и веси, так и от славян. Но он смиренно терпел гонения за Христа и продолжал просвещать и крестить ростовчан.

Однажды дух злобы особо ожесточил сердца язычников и они решили убить епископа. Вооружившись, они подступили к соборной церкви и потребовали, чтобы святитель вышел к ним. Находившиеся в храме священники и диаконы в испуге стали умолять Леонтия не выходить и тайно бежать от идолослужителей. Но тот, надев архиерейское облачение, велел облачиться и священникам с диаконами в ризы. С иконами они вышли из храма к народу. Поражённые мужеством святителя и светом небесным, исходившим от его лица, язычники попадали на землю, иные ослепли, иные пришли в телесное расслабление и, как мёртвые, лежали на земле. Помолившись ко Господу, Леонтий их исцелил. После исцеления они все приняли веру Христову, и с того времени церковь в Ростове стала расти. Тем паче, что Леонтий хорошо изучил языки местных племён и переводил на язык мери богослужебные тексты.

Но, терявшие своих духовных рабов волхвы-арбуи всё более озлоблялись, и в 1073 году просветитель всё же был убит фанатиками-язычниками за Христа. Тело святителя погребли в церкви Пресвятой Богородицы, затем, после пожара, вновь обретенные нетленные мощи святого перенесены в храм Иоанна Богослова.

Конечно же, и после смерти святитель Леонтий не оставил без своих забот Ростовскую землю. Чудеса от мощей и икон святого происходили постоянно, и не прекращаются и до наших дней. Потому-то владыко Феодор и позвал князя Александра Константиновича, прежде всего, обратиться за помощью к небесному покровителю Ростова Великого.

Архиепископ лично исповедовал князя и причастил его Святых Тайн. По окончании Литургии весь клир – священники, дьяконы, иподьяконы и чтецы с певчими, а так же прихожане и множество прибывших горожан, узнавших о случившейся с княжичем беде, сдвинулись к стоявшему у стены храма каменному гробу с мощами святителя Леонтия.

Отслужили молебен. Торжественно и тревожно звучали слова тропаря:

Апостолом сопричастник

И к Богу молебник верен,

Добродетельми возшед на Небесная,

И любовь возложил еси к Любящему тя,

И неверныя люди обратил еси в веру.

Тем ныне, со Ангелы ликуя,

Предстоиши престолу славы всех Царя Христа Бога:

Молися, святителю Леонтие,
Да спасет души наша».

Когда под куполом затихло эхо последних слов, владыко Феодор и князь Александр опустились на колени перед мощами. Вслед за ними, с шорохом и стуками, но безмолвно, разом рухнули все стоявшие в Успенском соборе. В наступившей полнейшей тишине слышны были лишь легчайшие потрескивания горящих восковых свечей.

- О, священная главо, преславный чудотворче, первопастырю святых Ростовские Церкви, святителю отче Леонтие! – Голос Феодора постепенно набирал мощь. – К тебе припадаем и молимся мы, смиреннии и грешнии и, яко отца чадолюбивого, просим: всели в сердца наша любовь твою, еюже к Богу и ближним твоим при жизни твоей преисполнен был еси, яко и душу твою за паству твою положил еси...

Архиепископ читал молитву, а рядом князь всё более клонил голову. Вот и первая слеза скользнула по щеке и скрылась в усах.

- Молися, угодниче Божий, ко Христу Богу о святей Православной Церкви и державе Российской: да пребудут в мире и благостоянии и процветают в благочестии христианском непоколебимы. Соблюди град твой Ростов и вся грады и веси...

За князем заклонили головы и простые ростовчане.

- Призри благоутробно на всяку душу христианскую, милости и помощи от тебе ищущую, буди нам всем в болезнях целитель, в скорбех утешитель, в печалех избавитель...

Уже весь храм либо всхлипывал, либо молча растирал слёзы.

- Да хвалим, славим и величаем великое человеколюбие дивнаго во святых Своих Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, во веки веков! – Владыко тяжело поднялся, крестясь, трижды поцеловал мощи святого. Подождал, пока к мощам приложится князь, потом положил руку ему на плечо:

- Верь. Бог не оставит.

И в это момент распахнулись входные двери, и в храм ввалилось несколько княжеских слуг:

- Чудо! Чудо!!

Да, действительно, пока владыко Феодор и князь Александр молились у гроба святителя Леонтия, в тереме произошло то. О чём они просили святого – отрок Иоанн заново прозрел! Слава Богу за всё. А в чём покаялся князь, знал только Господь и Его слуга Феодор, нам этого не ведомо.

После произошедшего чуда почитание архиепископа в Ростове Великом ещё более выросло. Теперь все по любому поводу просили у владыки его святых молитв, даже до мелочей. Со всего княжества и с других краёв шли к нему по любому поводу. Шли и в будни, и в праздники, и днём, и ночью. Кто решил жениться, у кого корова заболела, кому наследство не досталось – «Владыка, что делать»? А ещё некто-то соседу обиду нанёс, у другого конь захромал, а у третьего огород градом побило – «Владыка, что делать»? Что, что? Молиться. Понятно же, что всякое искушение, всякая напасть Богом попускается, что бы напомнить человеку о бренности земного, о том, что всё здесь временное, смертное, и не стоит ни к чему сердцем прирастать. А, прежде всего, нужно думать о душе, которая вечная. Научал просящих Феодор, молился за них, и, главное, жалел, всем сердцем жалел. Никому не отказывал во внимании. Ибо знал, чувствовал, что не долго ему осталось пребывать на этой земле.

28 ноября 1384 года высокопреосвященный Феодор, архиепископ Велико-Ростовский мирно отошёл ко Господу. На третий день тело владыки похоронили в Успенском соборе женского Рождественско-Богородицкого монастыря, который он основал, отстроил и украсил своими иконами.

Вспомним же слова, сказанные самим Господом Иисусом Христом: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы». Вот и после телесной смерти Феодора,

народ продолжал приходить, приезжать к нему со всех сторон. И после, и ныне приходят-притекают к святому Феодору Ростовскому все нуждающиеся в его молитвенной помощи и утешении. И святой Феодор никому не отказывает.

Будет возможность у нас побывать в Ростове Великом, и мы поклонимся его мощам, и помолимся ему здесь, на земле, чтобы он помолился за нас на Небе.